

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20210406
УДК 930(985)18/19"

Д.А. АНАНЬЕВ

ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ В ТРУДАХ ТЕРЕНСА АРМСТРОНГА*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируются работы по истории освоения российской Арктики, опубликованные британским исследователем, сотрудником Института полярных исследований им. Скотта (Кембриджский университет) Теренсом Армстронгом (1920–1996). Дается общая оценка вклада исследователя в изучение проблем Арктической зоны России. Установлено, что Т. Армстронг одним из первых в западной историографии осветил широкий круг вопросов, связанных с указанной темой (освоение Северного морского пути, политика в отношении коренного населения, развитие нефтегазовой отрасли, охрана окружающей среды и др.). Высоко оценивая результаты советской арктической политики, Т. Армстронг указывает на необходимость расширения международного сотрудничества в процессе дальнейшего развития региона и решения его проблем. Научное наследие британского ученого, без сомнения, не утратило своей актуальности и заслуживает самого внимательного изучения отечественными специалистами.

Ключевые слова: Теренс Армстронг, Институт полярных исследований им. Скотта, российская Арктика, советская Арктика, Северный морской путь, нефтегазовая отрасль, аборигенная политика.

D.A. ANAN'EV

THE HISTORY OF THE RUSSIAN ARCTIC DEVELOPMENT IN TERENCE ARMSTRONG'S WORKS

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Terence Edward Armstrong (1920–1996) was a British linguist, geographer, economist, historian, who had worked at the Scott Polar Research Institute (Cambridge) for many years and been recognized widely as a leading researcher of the Arctic. Despite the high appreciation of his scientific achievements by Soviet and Russian experts, T. Armstrong's works were not given due attention in the Russian historiography. The paper objective is to fill this gap. It's proven that T. Armstrong made a significant contribution to the Arctic studies in the UK. While focusing on the Soviet North problems, he actively promoted the scientific cooperation between Western and Soviet scholars, implementation of international research projects, development of educational programs and training specialists in the field of polar research at western universities.

---

* Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ 19-09-00041 «Экономическое и социально-демографическое развитие арктических территорий СССР (1920–1980-е годы)».

Денис Анатольевич Ананьев – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: denis.ananyev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9448-8454>.

Denis A. Anan'ev – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

T. Armstrong was among the first Western researchers who studied a wide range of issues related to the Russian Arctic (the Northern Sea Route development, the forced labor use, the indigenous people policy, oil and gas production, urbanization problems, environmental protection etc.). Comparing the tsarist and Soviet policies in the Arctic he came to conclusion that changes occurring in the North after 1917 were so striking and profound that the whole pre-revolutionary era could be considered as a prequel to the Soviet period. Giving a high assessment of the Soviet Arctic policy results, T. Armstrong pointed the need to widen the international cooperation in the region further developing and solving its problems. Being an adherent of the ideas of “environmentalism” (the theory considering the environment’s decisive role in human evolution), he perceived the Arctic as a unique habitat with a fragile ecosystem that must be preserved for future generations. The scientific heritage of the British researcher is still relevant and deserves to be thoroughly studied by the Russian specialists.

Key words: Terence Armstrong, Scott Polar Research Institute, Russian Arctic, Soviet Arctic, Northern Sea Route, oil and gas industry, aboriginal policy.

ВВЕДЕНИЕ

Теренс Эдвард Армстронг (1920–1996) – британский лингвист, географ, экономист, историк – на протяжении многих лет являлся сотрудником Института полярных исследований им. Скотта (Кембриджский университет), получил широкое признание как один из крупнейших исследователей Арктики. Несмотря на высокую оценку его научных достижений советскими и российскими специалистами¹, трудам Т. Армстронга не уделялось должного внимания в отечественной историографии. Цель настоящей статьи – отчасти восполнить указанный историографический пробел, обозначив основные вехи биографии британского исследователя, представив обзор его основных публикаций и определив круг интересовавших его научных проблем, а также дав общую оценку его вклада в изучение истории освоения российской Арктики.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ Т. АРМСТРОНГА

По признанию самого Т. Армстронга, в юности он не мечтал быть полярным исследователем и в конце жизни свою научную карьеру охарактеризовал во многом как результат стечения случайных обстоятельств [3]. Будущий ученый родился 7 апреля 1920 г. в Окстед (пригороде Лондона), в семье бывших фермеров – выходцев из Северной Англии. В 1937 г., во время учебы в Винчестерском колледже, он посещал лекции известного английского историка Б. Пэrsa, основателя и директора Школы славянских и восточноевропейских исследований, который обратился к ученикам с призывом изучать русский язык. Последовав данному призыву и в короткий срок добившись заметных успехов, Т. Армстронг в 1938 г. поступил на филологический факультет Колледжа Магдалены в Кембриджском университете, где на него обратила внимание известная лингвист Элизабет Хилл (1900–1996). Зная о его хорошей языковой подготовке, Э. Хилл убедила подающего надежды студента

перейти на небольшое отделение славистики, чтобы учиться под ее руководством².

Обучение в университете прервалось из-за начавшейся войны, во время которой Т. Армстронг служил в Корпусе разведки сухопутных войск, участвовал в операциях в Северной Африке, Италии, Норвегии, Голландии, получил ранение во время рейда в тылу противника. В 1946 г. он вернулся в Кембридж, где по совету Э. Хилл ходатайствовал о зачислении в штат Института полярных исследований им. Скотта, директор которого Г. Робин объявил о наборе специалистов со знанием русского языка. До своей отставки в 1983 г. Т. Армстронг (последовательно занимавший должности научного сотрудника, заместителя директора по науке, доцента, и.о. директора) входил в группу исследователей (наряду с Г. Кингом, Б. Робертсом и Г. Робинем), которые, по выражению П. Спика, создали Институту «репутацию превосходного научного центра».

В 1951 г. молодой специалист получил ученую степень доктора философии, защитив диссертацию по истории освоения Северного морского пути (далее – СМП). Диссертация явилась первым научным исследованием по данной теме в британской историографии³, а ее материалы легли в основу первой монографии ученого, опубликованной в 1952 г.

В последующие годы при поддержке Программы научных исследований Военно-морских сил Великобритании Т. Армстронг занялся изучением проблемы влияния ледовой обстановки на судоходство, публиковал статьи о навигации по СМП в научном журнале Института им. Скотта «Polar Records», а в

² Об уровне филологической подготовки Т. Армстронга, в частности, свидетельствует его участие в качестве редактора в работе над сборником первоисточников по истории присоединения Сибири к России, изданном в 1974 г. Хаклитовским обществом под названием «Поход Ермака в Сибирь» [4]. Наряду с текстами царских указов и грамот 1558–1584 гг. составители сборника перевели на английский язык и опубликовали тексты сибирских летописей (Строгановской, Есиповской, Ремезовской), сопроводив их текстологическим комментарием. Примечательно, что одновременно в СССР готовилось издание сибирских летописей, увидевшее свет в рамках «Полного собрания русских летописей» в 1987 г. [5].

³ Об истории изучения проблем российской Арктики в Великобритании см., напр., работу Б.Н. Вахтина [2].

¹ О научных исследованиях Т. Армстронга писали, в частности, Г.А. Агранат [1], Н.Б. Вахтин [2] и др.

1958 г. составил и издал «Атлас по морскому льду к северу от СССР». Сотрудничество с Канадским советом обороны позволило британскому ученому в 1954 г. принять участие в знаменитом плавании ледокола «Лабрадор» по Северо-западному проходу⁴. О признании его научных достижений свидетельствовали награды Королевского географического общества: премия им. Катберта Пика (1954) и медаль Виктории (1978).

В 1950-х гг. Т. Армстронг обратил на себя внимание и советских исследователей, оказавшись в числе немногих западных специалистов, получивших возможность, начиная со второй половины десятилетия, регулярно посещать СССР [7]. Во время своих многочисленных поездок ученый активно содействовал международному научному обмену и установил дружеские связи со многими исследователями Арктики, в частности, с академиком А.Ф. Трешниковым (начальником одной из первых дрейфующих станций, а впоследствии – директором Арктического и Антарктического научно-исследовательского института в Ленинграде); известным географом Г.А. Агранатом; начальником Главсевморпути, контр-адмиралом В.Ф. Бурхановым; директорами Института географии СССР И.П. Герасимовым и В.М. Котляковым; выдающимся советским полярником, метеорологом Б.А. Кремером и др. По свидетельству П. Спика, все они очень высоко отзывались о британском коллеге, отмечая его стремление к научной объективности. Результаты своих исследований Т. Армстронг обобщил в монографиях «Русские в Арктике» и «Заселение русскими Севера», увидевших свет в конце 1950-х–1960-х гг. [8, 9].

В 1970-х гг. деятельность ученого была не менее плодотворной – прежде всего, в образовательной сфере. С 1970 г. он участвовал в программе «Человек и Арктика» Национального научного фонда США, организовав в Университете Аляски в Фэрбенксе семинар по проблемам системы образования коренных народов Севера (Аляски, Канады, Гренландии, Скандинавских стран). Одним из итогов этой работы явилась публикация коллективной монографии, написанной в соавторстве с Дж. Роджерсом и Г. Роули.

Не менее активно Т. Армстронг способствовал развитию образовательной программы Кембриджского университета. Благодаря его усилиям с 1975 г. студенты получили возможность прослушать годичный курс «Полярные исследования», по итогам которого получили дипломы специалистов; в 1980 г. в Институте им. Скотта появилась соответствующая маги-

стерская программа. В течение многих лет Т. Армстронг также вел семинары, посвященные проблемам российской Арктики.

В начале 1990-х гг. в условиях растущего интереса западных стран к возможностям использования СМП Т. Армстронг вошел в состав Международного консультативного комитета по СМП, где должен был содействовать сбору данных и организации научных исследований по данной проблеме. Безвременная кончина выдающегося ученого помешала осуществлению этих планов.

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

История освоения Северного морского пути – тема, вызывавшая повышенный интерес британского ученого на протяжении всей жизни. С точки зрения Т. Армстронга, осмысление исторического опыта позволяло объективнее судить о возможностях использования этой водной магистрали в современных условиях и в целом оценить перспективы российского присутствия в Арктике. В истории освоения СМП исследователь выделял четыре этапа, в зависимости от того, какие мотивы преобладали в деятельности первопроходцев и исследователей. Так, на раннем этапе освоения морской трассы ведущую роль, по его мнению, играли экономические интересы; до начала XX в. – научные; в годы Первой мировой войны – военно-стратегические, а с 1920-х гг. – снова научные [10].

Анализу ранних попыток европейцев освоить западный участок СМП посвящена статья Т. Армстронга, опубликованная в 1984 г. Первоисточниками по данной теме служили сборники документов, опубликованные Р. Хаклитом и С. Перчасом в конце XVI–XVII в. и содержащие сведения не только об участии англичан (Х. Уиллоуби, Р. Ченслера и др.) в Великих географических открытиях, но и ценные данные об активном использовании СМП русскими мореходами. Т. Армстронг показывает, что сообщения английских мореплавателей служат важным дополнением к картографическим материалам XVI–XVII в. (в их числе – карты А. Вида (1542, 1546), У. Барроу (1570, 1578), Г. Меркатора (1595), И. Массы (1611), П.И. Годунова (1667)), а также открытиям советских археологов, доказывавшим присутствие русских землепроходцев в арктических широтах в начале XVII в. Для Т. Армстронга несомненно, что отсутствие синхронных письменных источников не должно ставить под сомнение достижения русских⁵, чей вклад в исследование арктических широт значительно превосходил заслуги англичан или голландцев [11, р. 439].

⁴ Сквозное плавание из Атлантического океана в Тихий, совершенное в июле–сентябре 1954 г. канадским ледоколом «Лабрадор», в литературе называют «действительным завоеванием» Северо-Восточного прохода [6].

⁵ Об экспедициях, организованных русскими мореходами в Северном Ледовитом океане в XV – начале XVII в., см., напр.: [12].

Существенным препятствием для развития арктического судоходства явился запрет использования «Мангазейского морского хода» в соответствии с указом царя Михаила Федоровича, изданным в 1619 г. По определению Т. Армстронга, «второе открытие» юго-западного побережья Карского моря состоялось только в 1734–1740 гг., благодаря участникам Великой Северной экспедиции – колоссального по своим масштабам предприятия, итоги которого британский исследователь расценивал как «поразительно успешные» [10, р. 1].

Следующий этап в освоении СМП Т. Армстронг связывал с экспедициями, организованными в XIX в. Ф.П. Литке (в 1820-х гг.) и П.П. Крузенштерном (в 1860 и 1862 гг.). Столкнувшись в Арктике с огромными трудностями, участники экспедиций пришли к выводу о невозможности сквозной навигации по СМП. Тем не менее во второй половине столетия предпринимались новые попытки создания транспортного коридора в Арктике – как иностранцами (Дж. Виггинс (Уиггинс), А. Норденшельд и др.), так и российскими подданными, прежде всего сибирскими купцами М.К. Сидоровым и А.М. Сибиряковым, заинтересованными в развитии коммерческого судоходства.

Отвечая на вопрос о причинах активного участия иностранцев в освоении российской Арктики в поздней имперский период, Т. Армстронг напоминает, что это вполне соответствовало общему курсу экономической политики России конца XIX – начала XX вв., связанной с именами И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте. Привлечение иностранных инвестиций официально приветствовалось и рассматривалось как один из важнейших инструментов, необходимых для решения задач индустриализации страны. В свою очередь, противодействие данному курсу оказывали разного рода «националисты», отвергавшие саму идею участия иностранцев в освоении природных ресурсов страны, а также предпринимательские круги, не нуждавшиеся в появлении новых конкурентов.

По замечанию Т. Армстронга, до начала 1890-х гг. царское правительство не проявляло должного интереса к освоению Арктики, явно недооценивая экономические и военно-стратегические выгоды использования СМП. Постепенному изменению такого отношения способствовало начавшееся строительство Транссибирской магистрали и последовавшие за этим попытки наладить поставки строительных материалов морским путем⁶. В годы Русско-японской

войны, когда Транссиб использовался в первую очередь для перевозки военных грузов, правительство вновь обратило внимание на морские маршруты и организовало доставку продовольствия в Сибирь по Карскому морю. Вместе с тем все эти мероприятия носили эпизодический характер. По заключению исследователя, царское правительство всерьез обеспокоилось проблемами развития арктических территорий и обеспечения их безопасности лишь незадолго до начала Первой мировой войны.

Более целенаправленными выглядели усилия властей по освоению восточного сектора СМП. В 1908 г. была учреждена комиссия для исследования возможности морских плаваний из Тихого океана до устья Колымы и Лены. Организации регулярного судоходства предшествовала деятельность геологических, топографических и гидрографических экспедиций. В 1911 г. на Колыму были доставлены первые промышленные товары, отправленные на грузовых судах из Владивостока. В целом, в представлении Т. Армстронга, активность государства в этой части Арктики была во многом вынужденной из-за отсутствия достаточных экономических стимулов для частного капитала. [10, р. 23]

В истории освоения СМП основное внимание британский исследователь уделял советскому периоду. Несмотря на сложности, связанные с поиском необходимых источников (одна из проблем заключалась в почти полном отсутствии материалов по истории использования СМП во время Второй мировой войны и в послевоенные годы), в своей первой монографии Т. Армстронг осветил широкий круг вопросов, охарактеризовал систему управления арктическим регионом, деятельность «Комсеверпути» и Главного управления Севморпути (далее – ГУСМП), выделил основные этапы научного изучения региона и развития арктического судоходства, оценил экономическое и военно-стратегическое значение СМП.

Отличительной особенностью и преимуществом советской арктической политики (в противовес проводившейся до 1917 г.) Т. Армстронг называл тщательное планирование, способность мобилизовать огромные ресурсы и обеспечить массовую подготовку квалифицированных кадров (в чем, по его мнению, заключался также резкий контраст с арктической политикой в странах Запада). Впрочем, до начала 1930-х гг. успехи советских покорителей Арктики были не столь заметными. Регулярное торговое судоходство было налажено только в Карском море. Как и в дореволюционный период, отсутствовали экономические стимулы для развития восточного сектора Арктики, о чем, в частности, свидетельствовал тот факт, что первое грузовое судно прибыло в устье

⁶ Автор сообщает о контракте, заключенном в 1893 г. Комитетом Сибирской железной дороги с английской торгово-транспортной фирмой, в соответствии с которым капитан Дж. Виггинс обеспечил доставку 1600 т рельсов из Англии к устью Енисея. Впрочем, Т. Армстронг умалчивает о том, что, несмотря на усилия Дж. Виггинса, операция все же завершилась крахом, поскольку перегрузить рельсы на баржи не удалось, и в Красноярск доставили только десятую часть груза. – См.: [13].

Лены из Тихого океана только в 1927 г., а из Атлантического – в 1933 г.⁷

Поворотным моментом в истории советской Арктики британский исследователь называет учреждение в 1932 г. ГУСМП, что соответствовало целям новой программы, принятой в рамках второго пятилетнего плана и направленной на масштабное освоение северных территорий. По мнению ученого, создавая специальный орган для управления огромным регионом, советское правительство руководствовалось прежде всего экономическими соображениями – необходимостью обеспечить более жесткий контроль над выполнением плановых заданий пятилетки [10, р. 37].

В публикациях 1950-х гг. Т. Армстронг подробно осветил историю арктического судоходства, технические характеристики советского ледокольного флота (самого большого и мощного в мире), высказав предположение, что на смену ледоколам вскоре должны прийти более быстроходные суда с ледовыми подкреплениями. Исследователь подчеркивал, что освоение СМП и в целом Арктического региона не только способствовало развитию науки и народного хозяйства страны, но обеспечивало Советскому Союзу явные военно-стратегические преимущества.

В своих исследованиях Т. Армстронг применял комплексный подход, изучая развитие транспортной инфраструктуры в контексте **общего процесса заселения и социально-экономического развития северных территорий**, анализируя изменения **государственной политики в Арктике** и эволюцию **взаимоотношений пришлого и коренного населения**.

В представлении британского ученого, на начальном этапе главным стимулом для продвижения русских на Север являлся поиск пушнины; ведущую роль в этом процессе играли «промышленники» (промысловики), за которым следовало государство. Таким образом, присоединение новых земель было, в сущности, «побочным продуктом» промысловой деятельности, а утверждение суверенитета над этими территориями облегчалось отсутствием серьезных соперников в лице иностранных держав [9, 15].

После 1700 г. по мере истребления пушного зверя и смещения маршрутов колонизации на юг интерес официальных властей к Крайнему Северу постепенно ослабевал, но никогда не был полностью утрачен. В период Великой Северной экспедиции ар-

ктические территории вновь оказались в центре внимания правительства, однако результаты работы научных экспедиций не способствовали скорейшему заселению и освоению Севера. В отсутствие четко сформулированных целей государственной политики в Арктике все текущие вопросы фактически решались местной администрацией. Т. Армстронг присоединился к мнению, высказанному в работах дореволюционных и советских исследователей, о многочисленных недостатках, присущих системе управления северными территориями в XVIII – начала XX вв., нехватке честных и способных администраторов, медленном развитии сети образовательных и медицинских учреждений, плохой организации продовольственного снабжения [9, р. 102].

Сопоставляя арктическую политику царской и советской России, Т. Армстронг пришел к выводу, что изменения, происходившие на Севере после 1917 г., были настолько поразительными и масштабными, что всю дореволюционную эпоху можно считать лишь предысторией советского периода. По замечанию исследователя, для объективной оценки советского периода необходимо учитывать, что политическое руководство СССР стремилось в кратчайшие сроки сделать страну сильной и независимой вопреки противодействию со стороны враждебного окружения. Иными словами, определяющую роль в выборе политического курса играли внешние факторы. Поначалу такие опасения относительно внешне мира выглядели не вполне обоснованными, хотя страны Антанты демонстрировали явную враждебность, но в дальнейшем Япония и Германия дали основания для более серьезного беспокойства [9, р. 127].

Высоко отзываясь о достижениях начального этапа освоения советской Арктики, Т. Армстронг затронул тему использования неквалифицированного принудительного труда (труда заключенных). Признавая распространенность данного явления, в публикациях 1950-х гг. исследователь призывал не считать его фактором, имевшим решающее значение (8, р. 174). В монографии 1965 г. автор согласился с теми, кто утверждал, что труд заключенных играл большую роль, но подчеркнул, что по мере освоения арктических территорий политика властей становилась менее жесткой⁸, о чем свидетельствовала реорганизация системы исполнения наказаний в 1950-х гг.

⁷ Современные отечественные исследователи в большей степени подчеркивают преемственность арктической политики государства в различные периоды, утверждая, что Советское правительство «унаследовало от предыдущей власти отношение к Арктике, как весьма значимому региону государства», а «Комсеверпуть» в 1920-е гг. создавал «основу для мощного экономического развития Арктики» в последующие десятилетия. – См.: [14, с. 12].

⁸ К аналогичному выводу приходят и современные отечественные исследователи, отмечающие, что с середины 1950-х гг. «в индустриальном строительстве по-прежнему применялись мобилизационные методы, но они уже не основывались на прямом принуждении. В привлечении людей в северные районы стали широко использоваться материальные и морально-психологические стимулы». – См.: [14. С. 273]

(создание Главного управления исправительно-трудовых колоний в 1956 г., а затем его преобразование в Главное управление мест заключения в 1959 г.) [9, р. 125–127].

Оценивая результаты социально-экономического развития советской Арктики в послевоенный период, Т. Армстронг указывал на необходимость использования советского опыта для освоения арктических зон других стран. Признавая, что такие попытки обмена опытом между западными и советскими учеными уже неоднократно предпринимались и не были очень успешными из-за препятствий бюрократического и политического характера, ученый все же настаивал на необходимости расширения международного сотрудничества, прежде всего, в области электроэнергетики, сельского хозяйства, а также в нефтегазовой сфере [16, р. 18, 35–36].

В работе, посвященной сопоставлению развития нефтегазовой отрасли на севере Сибири и на Аляске, британский исследователь сообщает о разработках газовых месторождений в низовьях Оби, нефтяных месторождений на Ямале, в бассейнах рек Пур и Таз; строительстве газопроводов Пунга–Серов и Мессояха–Норильск, нефтепроводов Шаим–Тюмень и Александровское–Анжеро-Судженск; анализирует планы советского правительства увеличить поставки газа из Северо-Западной Сибири в Европейскую Россию и далее – в страны Западной Европы [16, р. 15–19].

По заключению автора, методы освоения нефтяных месторождений на севере Сибири принципиально отличались от тех, что использовались в районе Норт-Слоуп. На Аляске после завершения этапа разработок освоение велось с использованием минимального количества рабочей силы. Производство автоматизировалось в той мере, насколько это было возможно, при этом не планировалось строительство крупных нефтеперерабатывающих или нефтехимических заводов. Учитывая, что освоение арктических территорий было обусловлено необходимостью добычи минеральных ресурсов, срок жизни поселений ограничивался временем разработки соответствующих месторождений.

В свою очередь, в Сибири планировалось создание крупных поселений и городов, а добыча нефти и газа воспринималась как способ привлечения как можно большего числа рабочих и увеличения численности населения, постоянно проживающего в регионе. Т. Армстронг утверждал, что «гигантизм» советской нефтегазовой отрасли лишь отчасти можно объяснить отсутствием трудосберегающих технологий. Главное отличие заключалось в самой философии заселения северных территорий. Для советского правительства ценность постоянных поселений определялась рядом неэкономических факторов: необходимостью утверждения суверенитета, «советизации»

северных народов, защиты территории в случае военного нападения иностранных государств и др.

Одним из главных факторов, препятствовавших притоку рабочей силы в районы Крайнего Севера, Т. Армстронг считал неудовлетворительную ситуацию с жильем. Значительную часть жилищного фонда составляли неблагоустроенные деревянные двухэтажные дома. Более комфортабельные (и дорогостоящие) типовые бетонные многоэтажки возводились в крупных населенных пунктах – например, в Норильске, который Т. Армстронг назвал «витриной» Советской Арктики. Советские специалисты, планировавшие строительство городов в субарктической зоне, стремились сделать застройку более компактной⁹, особенно в районах, расположенных на границе с зоной лесотундры, где более интенсивные осадки и сильные ветра создавали дополнительные проблемы [16, р. 27].

Рассматривая советскую политику в сфере труда и занятости населения, Т. Армстронг назвал главным инструментом привлечения и удержания трудовых ресурсов на Крайнем Севере разницу в прогрессивной оплате труда, известную как система «северных надбавок». Размер надбавки, как и предельный уровень заработной платы, зависел от степени удаленности региона. По замечанию исследователя, несмотря на централизованную систему управления экономикой, на местах сохранялась разница в оплате за одну и ту же выполняемую работу. Так, в Якутии строитель, нанятый столичной организацией, получал на 50 % больше, чем работники, нанятые якутскими учреждениями. Вместе с тем, сравнивая фактический уровень доходов работников строительной отрасли в Якутии и на Аляске, автор пришел к выводу, что советские рабочие все же оказывались в более выгодном положении.

Поощрительные вознаграждения в денежной и неденежной формах применялись с 1932 г.; их размеры неоднократно изменялись, расширяя перечень льгот и категорий населения, на которые они распространялись. Наряду с подвижной шкалой заработной платы притоку рабочей силы способствовала возможность получения субсидий, бесплатного проезда к новому месту жительства, более ранний срок выхода на пенсию, более продолжительный ежегодный отпуск, право на сохранение жилья в месте прежнего проживания. По заключению Т. Армстронга, во многом все эти меры должны были компенсировать суро-

⁹ В частности, британский исследователь упоминает о нереализованных проектах начала 1960-х гг., предполагавших создание городов с управляемым микроклиматом, жилыми 15-этажными блочными домами (круглыми или эллиптическими в плане, чтобы минимизировать давление ветра и потерю тепла), соединенными так, чтобы внутри них находились целые улицы и рекреационные зоны.

вость климата и более низкое качество жизни (нехватку комфортного жилья, свежих продуктов питания, немногочисленность учреждений культуры) [16, р. 24–26].

Изучая **проблемы русско-аборигенных отношений**, британский исследователь также противопоставлял дореволюционный и советский периоды. По его мнению, несмотря на довольно мягкое и гуманное отношение к коренным народам Севера со стороны царского правительства, аборигены часто страдали от бесконтрольных действий отдельных чиновников и «эксплуататоров» на местах. Присоединяя северные земли, русские нередко встречали сопротивление со стороны аборигенов. Так, в источниках зафиксированы случаи столкновений пришлых контингентов с ненцами, эвенками, якутами, кетами. Затем, как правило, наступал период мирного сосуществования пришлого и коренного населения (редким исключением из данного правила исследователь называет покорение Чукотки), поскольку русские, в сущности, ограничивались сбором ясака и не вмешивались в жизнь северных народов, сохранив у них самоуправление.

Т. Армстронг указывает и на некоторые положительные последствия русской колонизации для аборигенного населения. В частности, присутствие русских способствовало уменьшению количества межплеменных конфликтов, а также экономическому развитию территорий, их сельскохозяйственному освоению. В свою очередь, пришлое население перенимало у коренных жителей методы адаптации и выживания в экстремальных условиях Арктики. В целом, несмотря на свидетельства современников о распространении болезней и тяжелых условиях жизни «инородцев», их эксплуатации русскими торговцами, утрате некоторыми народами (например, ительменами, камчадалами) признаков этнической группы, общая численность аборигенного населения Севера продолжала расти [9, р. 115–117].

После 1917 г. начался новый этап во взаимоотношениях пришлое и аборигенного населения Крайнего Севера. Т. Армстронг дает в целом положительную оценку политике, проводившейся советским государством, замечая, что, согласно данным переписей, численность коренного населения на Севере с 1926 по 1959 г. выросла на 8 % (хотя, по его мнению, данный показатель мог бы быть значительно выше, учитывая заметное улучшение качества медицинского обслуживания) [16, р. 31].

Исследователь также отмечает ряд негативных аспектов государственной политики, в том числе последствия коллективизации, проводившейся на рубеже 1920–1930-х гг. По мнению исследователя, тот факт, что, согласно официальным данным, количество оленей в итоге сократилось с 2 млн до 450 тыс.

голов, свидетельствовал о серьезных потрясениях в жизни оленеводов. [16, р. 30]. Впрочем, в последующие десятилетия власти прилагали большие усилия по сохранению традиционного уклада и промыслов у представителей малых народов, которым с 1960 г. начали также выплачивать северные надбавки. Т. Армстронг сравнил советское государство с «миссионером», открывшим для коренных народов Севера дорогу к просвещению и использовавшим для этого все доступные ресурсы [16, р. 29–33].

К положительным сторонам государственной политики на Крайнем Севере Т. Армстронг отнес развитие здравоохранения, улучшение жилищных условий, увеличение количества доступных потребительских товаров, внедрение передовых технологий, создание современной системы образования, в частности, подготовку национальных педагогических кадров (к концу 1960-х гг. не менее четверти всех учителей в «национальных» районах Севера составляли представители коренных народов). Благодаря советским ученым-лингвистам у ряда коренных народов появилась письменность.

Достижением советской политики Т. Армстронг считал создание «национальных» административно-территориальных единиц (областей и округов), «автономность» которых, конечно, не подразумевала, что их политика могла противоречить интересам Москвы, но означала, что представители национальных меньшинств действительно обладают правом голоса в решении местных вопросов. Многие ключевые должности в национальных автономиях занимали представители коренного населения.

Для Т. Армстронга несомненно, что наиболее многочисленные из северных народов создали жизнеспособные национальные образования, в которых сформировался слой интеллектуалов (представителей научной и творческой интеллигенции), способствующих сохранению национальной культуры и языков, в то время как малочисленные этносы рискуют их утратить и быть полностью ассимилированными пришедшим населением (следует заметить, что в 1960-х гг. на угрозу утраты родного языка малыми народами Севера указывали и советские ученые – В.А. Аврорин и др.). По мнению Т. Армстронга, для того чтобы лучше осознать нужды коренных народов, не следует воспринимать их исключительно глазами европейцев, необходимо понять их собственную систему ценностей, их культуру, традиционные представления об окружающем мире и способах взаимодействия с ним.

Сравнивая положение коренного населения в северных районах Сибири и на Аляске, Т. Армстронг считал советскую политику в этой сфере более успешной, хотя усматривал в ней ряд недостатков – например, отсутствие свободного обсуждения про-

блем малых народов в советской прессе. По мнению ученого, дискуссии в СМИ помогли бы проявиться «национальным лидерам», способным представлять интересы своих этносов и эффективно защищать их права там, где они, возможно, ущемлялись¹⁰.

Описывая изменения в образе жизни аборигенного населения, британский ученый также затрагивал (одним из первых в западной литературе) вопрос о последствиях советской индустриализации для природной среды Крайнего Севера. Он признавал, что в СССР (в отличие, например, от США) население было менее осведомлено об экологических проблемах. Меньшее значение придавалось созданию заповедников и национальных парков: в 1969 г. в регионах советской Арктики их было только 4 (в Мурманской обл., Коми АССР и на Камчатке), тогда как на Аляске – 11. По замечанию Т. Армстронга, создание заповедников в условиях Крайнего Севера мотивировалось научными и экономическими соображениями, а не стремлением развивать туризм и соответствующую инфраструктуру [16, р. 34–35].

Британский исследователь объяснял разницу в отношении к экологическим проблемам в СССР и США меньшим воздействием на окружающую среду в СССР, вдвое превышающим Соединенные Штаты по площади, при сопоставимой численности населения. К тому же дымящие фабричные трубы долгое время воспринимались, прежде всего, как символ индустриального прогресса, а не загрязнения. Вместе с тем Т. Армстронг предвидел, что в дальнейшем вопросам охраны природной среды на Крайнем Севере начнут уделять более пристальное внимание. Будучи приверженцем идей «энвайронментализма» (теории о решающей роли окружающей среды в формировании человека), он воспринимал Арктику как уникальную среду обитания, с хрупкой экосистемой, которую необходимо сохранить для будущих поколений [3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Т. Армстронг внес значительный вклад в развитие комплексных североведческих исследований в Великобритании. Уделяя основное внимание изучению северных территорий СССР, он активно содействовал расширению научных связей между западными и советскими учеными, реализации международных исследовательских проектов, разработке образовательных программ и подготовке специалистов-арктиковедов в западных университетах. Одним из первых в англоязычной историографии

он осветил широкий круг вопросов, связанных с историей советской Арктики (освоение Северного морского пути; политика в отношении коренных народов Севера; развитие нефтегазовой отрасли; проблемы урбанизации, экологии и др.). Необходимо отметить стремление британского исследователя к взвешенной и объективной оценке целей и итогов советской арктической политики. Давая весьма высокую оценку результатам освоения Арктики в советский период¹¹, Т. Армстронг указывал на необходимость расширения международного сотрудничества в процессе дальнейшего развития региона и в решении его проблем. Научное наследие британского ученого, без сомнения, не утратило своей актуальности и заслуживает самого внимательного изучения отечественными специалистами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агранат Г.А.* Коренное население Аляски и Канадского Севера: Современные социально-экономические и политические проблемы // Сов. этнография. 1982. № 6. С. 66–80.
2. *Вахтин Н.Б.* К истории изучения Сибири и Севера в социальном аспекте: материалы к учебнику. СПб.: АртЭкспресс, 2020. 68 с.
3. *Speak P.* Terence Edward Armstrong, 1920–1996 // Geographers Biobibliographical Studies Volume 18. Patrick H. Armstrong and Geoffrey J. Martin (eds). Mansell 1998. P.1–9.
4. *Armstrong T.* Yermak's Campaign in Siberia. A selection of documents translated from the Russian by T. Minorsky and D. Wileman. L.: Hakluyt Society, Second Series 146. 1974. 315 p.
5. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи / предисл. Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской. 381 с.
6. *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. М., 1985. Т. 5: Новейшие географические открытия и исследования (1917–1985 гг.). 215 с.
7. Летопись Севера / отв. ред. А.В. Ефимов. М.: Географгиз, 1957. Т. 2. 280 с.
8. *Armstrong T.* The Russians in the Arctic. Aspects of Soviet Exploration and Exploitation of the Far North, 1937–1957. New Jersey: Fair Lawn, 1958. 182 p.
9. *Armstrong T.* Russian Settlement in the North. Cambridge: University Press, 1965. 224 p.
10. *Armstrong T.* The Northern Sea Route: Soviet Exploration of the North East Passage. Cambridge: Scott Polar Research Institute, 1952. 162 p.
11. *Armstrong T.* In Search of a Sea Route, 1553–1619 // Arctic. 1984 (December). Vol. 37, N 4. P. 429–440.
12. *Аганов М.Г.* Арктические миражи: Новая Земля как Tierra del Plata // Новое прошлое / The New Past. 2019. N 2. С. 52–69.
13. *Канн С.К.* Освоение Северного морского пути в практике Комитета Сибирской железной дороги // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2021. Иркутск: Изд-во БГУ, 2021. С. 319–329.
14. *Комлева Е.В., Куперитох Н.А., Ламин В.А., Матханова Н.П., Тимошенко А.И., Шиловский М.В., Элерт А.Х.* Россия в Арктике: государственная политика и проблемы освоения. Новосибирск: Изд-во «Параллель», Ин-т истории СО РАН, 2017. 494 с.

¹⁰ Для современной отечественной историографии характерны более резкие оценки итогов политики «советизации» и вывод о возобладании негативных тенденций, связанных с «явной и скрытой дискриминацией естественных и конституционных прав и свобод граждан СССР коренных национальностей». – См.: [17, с. 105–106].

¹¹ О беспрецедентных масштабах, темпах и результатах развития северных территорий в советский период, которых не знало ни одно из приарктических государств, пишут и современные отечественные авторы. – См.: [18, с. 4–5].

15. *Armstrong T., Rogers G., Rowley G.* The Circumpolar North. A Political and Economic Geography of the Arctic and Sub-Arctic. L., 1978. 303 p.

16. *Armstrong T.* Soviet Northern Development, with some Alaskan Parallels and Contrasts. ISEGR Occasional Papers. 1970. N 2 (October). 37 p.

17. *Еремеева О.И.* Культура и просвещение народов сибирского Севера в 1920-1930-е гг.: к историографии проблемы // Государственная политика России в Арктике: стратегия и практика освоения в XVIII–XXI вв.: сб. науч. тр. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2012. С. 104–109.

18. *Зубков К.И., Карпов В.П.* Развитие российской Арктики: Советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера, Урала и Западной Сибири). М.: Политическая энциклопедия, 2019. 367 с.

REFERENCES

1. *Agranat G.A.* Indigenous Population of Alaska and Canadian North. *Sovetskaya etnografiya*. 1982, no 6, pp. 66–80. (In Russ.)

2. *Vakhtin B.N.* To the History of the Study of Siberia and the North in the Social Aspect: Materials for a Textbook. SPb., ArtEkspress, 2020, 68 p. (In Russ.)

3. *Speak P.* Terence Edward Armstrong, 1920–1996. *Geographers Biobibliographical Studies Volume 18*. Patrick H. Armstrong and Geoffrey J. Martin (eds). Mansell, 1998, pp.1–9.

4. *Armstrong T.* Yermak's Campaign in Siberia. A selection of documents translated from the Russian by T. Minorsky and D. Wilman. London, Hakluyt Society, Second Series 146, 1974, 315 p.

5. Complete collection of the Russian Chronicles. Vol.36: Siberian chronicles: Group of the Yesipov Chronicle. Foreword by N.N. Pokrovskiy, Ye.K. Romodanovskaya. Moscow, Nauka, 1987, 381 p. (In Russ.)

6. *Magidovich I.P., Magidovich V.I.* Essays on the History of Geographical Discoveries. Vol.5. Recent Geographical Discoveries and Exploration (1917–1985). Moscow, 1985, 215 p. (In Russ.)

7. *Yefimov A.V.* (ed.) Chronicle of the North. Vol. 2. Moscow, Geografiz, 1957, 280 p. (In Russ.)

8. *Armstrong T.* The Russians in the Arctic. Aspects of Soviet exploration and exploitation of the Far North, 1937–1957. New Jersey, Fair Lawn, 1958, 182 p.

9. *Armstrong T.* Russian settlement in the North. Cambridge, Univ. Press, 1965, 224 p.

10. *Armstrong T.* The Northern Sea Route: Soviet exploration of the North East passage. Cambridge, Scott Polar Research Inst., 1952, 162 p.

11. *Armstrong T.* In search of a sea route, 1553–1619. *Arctic*, 1984, vol. 37, no. 4, pp. 429–440.

12. *Agapov M.G.* Arctic mirages: Novaya Zemlya as Tierra del Plata. *Novoye proshloye*, 2019, no. 2, pp. 52–59. (In Russ.)

13. *Kann S.K.* The Northern Sea Route Development in the practice of the Siberian Railroad Committee. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy yezhegodnik: 2021*. Irkuts, 2021, pp. 319–329. (In Russ.)

14. *Komleva Ye.V., Kupershtokh N.A., Lamin V.A., Matkhanova N.P., Timoshenko A.I., Shilovskiy M.V., Elert A.Kh.* Russia in the Arctic: state policy and problems of development. Novosibirsk, Parallel, Inst. of History SB RAS, 2017, 494 p. (In Russ.)

15. *Armstrong T., Rogers G., Rowley G.* The Circumpolar North. A political and economic geography of the Arctic and Sub-Arctic. London, 1978, 303 p.

16. *Armstrong T.* Soviet northern development, with some Alaskan parallels and contrasts. Fairbanks, Univ. of Alaska, 1970, 37 p. (ISEGR Occasional Papers, no. 2).

17. *Yeremeeva O.I.* Culture and education of the Siberian North peoples in the 1920s-1930s: on the historiography of the problem. *Gosudarstvennaya politika Rossii v Arktike: strategiya i praktika osvoeniya v XVIII – XXI vv.* Novosibirsk, 2021, pp. 104–109. (In Russ.)

18. *Zubkov K.I., Karpov V.P.* The Russian Arctic development: Soviet experience in the context of modern strategies (on the Far North, Ural and West Siberia materials). Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2019, 367 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.09.2021

Дата рецензирования 11.10.2021

Статья принята к публикации 01.11.2021